

ОСТАТЬСЯ АЗАРТНЫМ УЧИТЕЛЕМ УВЛЕЧЕННЫХ ДЕТЕЙ...

НЕСЛУЧАЙНЫЙ РАЗГОВОР МЕЖДУ ПЕДАГОГАМИ

Людмила Кожурина,

*учитель словесности в частной школе Dukley Academy, кандидат педагогических наук,
г. Будва, Черногория*

• цели урока • интерес учителя к предмету • отработка текущей ситуации

ЭТОТ РАЗГОВОР С ОЛЬГЕЙ ПОВАЛИХИНОЙ, УЧИТЕЛЕМ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ, БЫЛ ОЧЕНЬ НУЖЕН МНЕ. ВСЕ ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ Я ВДОХНОВЛЯЛАСЬ ЕЕ СЧАСТЛИВЫМ ВИДОМ, КОГДА ОНА ПРИХОДИЛА С УРОКА И ЧТО-ТО РАССКАЗЫВАЛА ИЛИ ЗАЧИТЫВАЛА, А ТО И СПРАШИВАЛА, В ОБЩЕМ – ГОРЕЛА НОВОЙ ИДЕЕЙ. И ЧТО ОСОБЕННО ВАЖНО – У НЕЕ ЯВНО ПОЛУЧАЛОСЬ. Я ЖЕ, КАК ВСЕГДА, С МАССОЙ НОВЫХ ИДЕЙ, ТЕКСТОВ, ЗНАНИЙ К НОЯБРЮ ИЗУВЕРИЛАСЬ И ОПУСТИЛА РУКИ. И ВОТ, РАССПРАШИВАЯ ОЛЬГУ ЮРЬЕВНУ О ЕЕ УДАЧНОЙ РАБОТЕ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ, Я УЛОВИЛА В ВОЗДУХЕ НАШЕГО РАЗГОВОРА ЧТО-ТО СУПЕРВАЖНОЕ ПРО СУТЬ НАШЕЙ ПРОФЕССИИ.

– Похоже, теперь никто не знает, как учить. То ли все можно, то ли ничего нельзя. Кому-то – «да», другим – «нет», а в знаменателе «школа ничему не учит». Когда на самом деле школа перестает учить, когда учитель уже не ценен для родителей?

– Учитель учит, что бы ни было. Урок-то есть. И цели. В первом полугодии первого класса дети должны освоить чтение и письмо. У детей этот период раз в жизни, а у учителя – пятый/десятый набор и освоенная методика. Он научит. Другой вопрос – как был заложен этот навык, какими эмоциями были окрашены первые опыты чтения и письма.

– То есть как не отвратить детей от занятий языком с первых дней учебы? Вы знаете?

– В этом году узнала. Ключик простой: учителю интересно на своем уроке. Казалось бы: идет букварный период согласно методическим разработкам. Слово – это прямоугольник, предложение – цепочка прямоугольников, «составь предложение по схеме». Но стоп. А если слово – вот оно, то, что выкрикнул ребенок, когда поймал в игре мяч, давая определение названному предмету: дом, волк, туча... Обязательно появится необычное словосочетание, которое стоит быть напечатанным на доске.

– Вы записываете за ними «грустная тучка», «розовый ослик», а сами они еще не

пишут, половина не читает. И долго они еще писать не будут?

– Долго, месяца два.

– Так в чем же ваш интерес?

– Мой – в их интересе к словам. Дальше мы распространяем написанное словосочетание: почему тучка была грустная, что случилось с осликом. Никогда не знаешь, что дети скажут. К тучке, например, «не пришли друзья на день рождения, и она плакала сильным ливнем». Я печатаю это предложение на доске, и оно там находится некоторое время. Мы его перечитываем каждый день. Постепенно придумывается следующее. Теперь на доске второе предложение, а первое распечатано и висит на стене. И далее третье, четвертое. Дети приходят утром и сразу голову к листочкам.

– Возникает история, каждым словом своя. Здорово. Но что же нечитающие, они как были, так и остались? Вы с ними не сидели?

– Не сидела. Но создавала ситуации, когда чтение привлекательно. Вскоре нечитающая девочка попросила листочек с предложением домой – показать, что как бы читает. Ведет пальцем по слову и говорит то, что написано.

– Да, имитация. Приобщиться к хорошему хочется. Однако в декабре читали и

писали уже все. Без прямых усилий с вашей стороны. Как?

– Эти предложения не просто так крутились и длились, они многому послужили. Боюсь, я не все эффекты уловила. Вначале я рассчитывала брать из них материал для звукобуквенного анализа. Играли в «День и ночь», когда дети закрывали глаза, а я убирала ту или иную букву, мы обсуждали, что произошло, почему, и что это за буква, и как звучит. Искали и называли слово с заданной буквой. Пожалуйста – разные позиции, прописные и строчные, шипящие – всё находилось. Попутно брали слова: найти самое длинное (считаем буквы, но сначала прикидываем – сколько?), самое короткое. Но внезапно открылся выход на союзы и предлоги как самые короткие слова. На местоимение: «Он – это кто?» «Это мой Тайный Герой!» – объявил мальчик. Бывало, слова «пропадали» – что стало с предложением? Без каких-то слов оно не теряет смысл – а в наших предложениях были и ряды однородных членов...

– То есть наперед заданного было меньше, чем непредвиденного, и вы озадачивались всем классом. А «родные» предложения обеспечивали полную включенность в процесс: словарь, структура, связи и элементы, смыслы – все своё, и всё удивляющее. Но неужели им не хотелось поскорее начать писать в тетради и читать книги?

– Прописи у нас шли своим чередом. А первое слово на доске мы вписывали в наше предложение. Ученик называл недостающее слово, выходил к доске, поднимался на скамеечку, дотягивался – и вписывал. Он мог быть и нечитающим – но готовым воспроизвести слово как иероглиф. Мог не уместиться в пробел, писать криво и разно, писать с ошибкой. На него все смотрели, его поправляли, но каждому хотелось залезть высоко и написать, как было.

– Важный нюанс: «как было» – это не «как надо». Я уже не раз в этом разговоре ловила себя на мысли о подражании, мол, вы придаете ему большое значение – не творчеству и не правилу. Старая метода...

– А какая у меня еще – сорок лет учу. Но твердо знаю: не надо спешить. Мы никуда не

опаздываем. Да, сначала дети вписывают «как было», восстанавливая порядок. И получают удовольствие. Восстановлением порядка они занимаются, когда выкладывают на полу листы-предложения в правильной последовательности. Как было. Долго спорили, но выложили, прошли историю ногами, перечитали. А потом они сами будут создавать порядок, когда получают слова из разрезанного предложения (или сразу из двух, что труднее) с заданием «можно менять слова местами». Трудное задание, потому что кое-где придется переделать окончания для получения хорошего предложения.

– Но когда представление о «хорошем предложении» было сформировано? Как?

– Что значит, когда и как? Каждый день мы прочитывали свое предложение на доске, создавали новое (у меня есть голубые указатели с переходами «А в это время», «Тогда», «Из-за», «Потому что», «Вдруг», «Как-то раз» и пр.). Создавая новое, обсуждали каждое слово, выбирали то, что точнее. От многого отказывались – от хрустящих зажаренных пауков на ужин, например, по этическим мотивам. Девочки были против любых ужасов. А «непрокусаемая проволока», существа таракУлы и другие необычные слова остались. Наши предложения, конечно, угловатые, местами громоздкие, а местами поэтические – не идеальные. Но тем и хороши: живые и правдивые. Я, конечно, не предполагала, что под представление детей о хорошем предложении подпадет и грамматический строй, – но случилось же. Это «случилось» самое интересное для меня. А случилось многое.

– Тем не менее вы не подхватываете эти инсайдерские моменты, не бросаетесь рассказывать, как оно в языке устроено. Ладно, хоть назвали: это местоимение, это однородные сказуемые, это суффикс. Вы почему-то медлите. Литературных примеров не предъявляете. Это преднамеренно?

– Да, я придерживаю. И не любые желания исполняю. Уже немало – поместить фантазию в предложение, припилить ее и какое-то время по-всякому к нему относиться. У нас за 4 месяца всего 50 листов-предложений, каждый лист проработан на разные

лады, и дети всё помнят. Когда мы начали изучать букву А, они сразу припомнили старое предложение про Алису, которая под дождем (тучка-то плакала сильным ливнем) пошла за кормом для собачки Астры. И в этом предложении нашлось еще много «а», а также «о» как «а».

– Здорово, предложение сработало отсроченно. Но вы этого не планировали, конечно, вы просто были готовы к экспромту. А дети хозяйничают в пространстве своих предложений, и вот на этой безопасной для себя территории языка учатся. И вы их оттуда не выводите. Чего-то ждете?

– Нам в этих предложениях всего хватало с избытком. Тянули гласные в словах одного предложения – слышали удивление «о-о-о-о», другого – «и-и-и-и-и-и». Мальчик говорит: «Это крик кота, готового к бою». Называли слова с шипящими из одного предложения – получилась Пещера Светящихся Глазищ, заглавие к эпизоду, это был восторг. Или кто-то наклеил слова разрезанного предложения лесенкой – и получилось стихотворение из тех же слов. Другие стали специально выкладывать слова в строки, чтобы предложение зазвучало иначе. Наклеивали и по спирали, и сердечком, и ромбом. Как прочитать это самовыражение?

– И вы, конечно, не рассказали им о существовании фигурных стихов, ничего не показали...

– Не рассказала. Знаете, пока текущая ситуация не исчерпана, то есть она продолжает предоставлять возможности, зачем ходить еще куда-то. Вот мы декламируем на разные лады, скандируем, и детям это очень нравится. Да. Им нравится повторять, возвращаться, подражать, заимствовать – почему это надо бросать? Ради чего? Чтобы сказать, что они «попали» в большую культуру? И что с того? Им пока и у себя неплохо. Вот я нарисовала колокольчик над звонким согласным, и тут началась перемена, девочка просит разрешения пометить и другие звонкие. Прихожу – вся доска в ко-

локольчиках. Проверили, нет ошибок. Мы не торопимся, не скачем, ничего не выкидываем и не стираем быстро. Считается, нужна частая смена деятельности, дескать, современный ребенок не может удерживать внимание на чем-то одном. Но вот они весь урок разбирают и наклеивают слова из старых предложений (слова лежат в шляпе), и на перемену их не отправить, потому что, оказывается, кто-то догадался приписать на лист с наклеенными словами свое от руки, и стало еще интереснее, «а я сейчас тоже напишу». Эпидемия, все вписывают. Вот эта зараженность – счастье. Бывает, на ровном месте возникает. У нас было словосочетание «большая змея» – два слова, говорю, а можно сказать одним? Да, змеища! Я написала на доске «-ИЩ-», вот, говорю, чем мы увеличили слово. И потом несколько дней в школе и дома они всё увеличивали, практически на новом языке разговаривали, ведь от -ИЩ- слово не только вырастает, но и огрубляется.

– А об уменьшительных суффиксах вы ни гу-гу? И вообще о суффиксальном образовании слов...

– Нет, зачем? Многознание не то, что развивает понимание. А вот рефлексия по поводу содержания слова, его формы – да. Сегодня, когда я читала Маршака (а мы уже в другой эпохе, третья четверть началась), мальчик сказал: «Мне так понравилась стихотворение, что я хочу его написать». Как я была рада: удовольствие от произведения вызывает желание написать. «Взять рукой», присвоить красивое в доступной форме.

– Это да, вы не уронили достоинство слова в глазах учеников, слово им желанно. И дети не были унижены требованиями к речевым умениям.

– Да-да, главное – никто не уставал: ни я, ни дети. По букварю так не пройдешь и к такому результату не придешь. Научить писать и читать не проблема. А вот чтобы хотели и рвались.... Теперь голову ломаю, как на новом этапе остаться азартным учителем увлеченных детей. □